

Цзян Чжо возразил:

— Странные дела, удивительнее некуда! Когда ты вытаскивал меня из реки, разве не осмотрел как следует?

Он зашёл издалека, пытаясь подвести разговор к нужной теме.

Тот человек холодно бросил:

— Я в последнее время не вижу, почитай что слепец.

Цзян Чжо спросил:

— Тогда откуда ты знаешь, что я плыл по реке?

Стоило задать этот вопрос, как в пещере мгновенно стихло. Спустя долгое время тот человек промолвил:

— Поскольку я не-человек, у меня даже вслепую найдётся способ узнать, что ты плыл по реке.

Он всё-таки ответил на вопрос, что принесло Цзян Чжо некоторое успокоение. Поразмыслив мгновенно, Цзян Чжо догадался:

— Горные духи и божества по большей части не говорят по-человечески. Ты демон?

Тот человек спросил:

— Боишься?

Цзян Чжо ответил:

— Не боюсь, просто любопытно: все демоны относятся к энергии инь, должно быть, они ужасно холодные, почему же ты такой горячий?

Накормив его, тот человек заметно повеселел. И сейчас он вернулся к вчерашнему тону:

— Потому что во мне слишком много обиды, и небеса карают меня, заставляя претерпевать такие муки.

Цзян Чжо спросил:

— Тебе всё ещё больно?

Тот человек произнёс:

— Побудь со мной, поговори.

Хотя он опустил вторую половину фразы, оба прекрасно знали, что она должна была звучать как «побудь со мной, поговори, и мне не будет больно», ведь Цзян Чжо вчера говорил точно так же.

Цзян Чжо вздохнул:

— Эта река протекает мимо Города Сяньинь, недалеко от Сект Костей Грома в Чжунчжоу. Ты прежде говорил, что не можешь свободно уходить — это из-за Секты Костей Грома?

— Нет.

Тот человек не желал углубляться в эту тему и в свою очередь спросил Цзян Чжо:

— Где ты ранен?

Цзян Чжо пропустил мимо ушей те три удара Цзин Юя и ответил лишь:

— Мне вонзили четыре Иглы, Фиксирующие Кости, духовная энергия и сила запечатаны, а кости сломаны.

Тот человек отозвался:

— Немудрено.

Цзян Чжо поинтересовался:

— Чему немудрено?

Тот человек прислонился к каменной стене:

— Немудрено, что мне так тяжело.

В этих его словах сквозило скрытое значение, похожее на шутку, поэтому Цзян Чжо не принял их всерьёз. В этот момент температура в пещере упала, и Иглы, Фиксирующие Кости, поутихшие на мгновение, снова принялись ныть. Сначала в конечностях, а следом и в груди. Холод медленно вонзался в костный мозг, заставляя Цзян Чжо слегка дрожать.

Тот человек тут же произнёс:

— Тебе снова больно.

Цзян Чжо судорожно вздохнул и, преодолевая боль, выдавил:

— Нет, в общем-то, не так уж и больно...

Из-за хаотично мечущейся силы у него вновь подступило к горлу желание выблгнуть кровь! Эти Иглы, Фиксирующие Кости, были до того свирепы, что ему пришлось стиснуть зубы, чтобы проглотить уже подступивший к самому горлу привкус крови. Неизвестно когда протянутая рука двумя пальцами шарила вниз, нащупывая грудь Цзян Чжо.

Тот человек спросил:

— Здесь?

Лёгкое жжение передалось в грудь, и через ткань одежды Цзян Чжо почувствовал, как собеседник отыскивает расположение Игл, Фиксирующих Кости. Неизвестно откуда взяв силы, он неожиданно приподнял левую руку и крепко схватил того за запястье.

— Не здесь, — сердце Цзян Чжо бешено колотилось, от этой сменяющейся то холодом, то жаром пытки кружилась голова, а голос стал ещё более хриплым. — Ты... ты что удумал лапать?

Возможно, вопрос прозвучал излишне резко, но температура в пещере мгновенно подскочила, и каменная стена сделалась похожа на раскалённую перегородку. Тот человек, чьё запястье было зажато в тисках, казалось, сдерживался:

— Сначала отпусти.

Цзян Чжо возразил:

— Нельзя кричать, нельзя смотреть и нельзя трогать — по-моему, ты слишком надменен.

Суставы на запястье у того были на редкость гибкими: он в ответ перехватил Цзян Чжо и

крепко сжал его озорные пальцы. На самом краю пропасти Цзян Чжо всё ещё успевал подумать: почему его рука больше моей? Почему он такой горячий...

— Эту дрянь очень трудно извлечь, — сказал тот человек. — Ты не смеешь падать в обморок.

Теперь жалеть о чём-либо было уже поздно. Собеседник сжимал руку так крепко, что Цзян Чжо даже почувствовал боль. Обжигающий укол проскользнул внутрь тела, затерявшись в поисках Игл, Фиксирующих Кости. Внутренние силы, словно перепуганная стая птиц, тоже сбились в кучу. На этот раз смена холода и жара оказалась ничуть не лучше первого приступа!

Тело Цзян Чжо в какой-то момент свернулось калачиком, дыхание участилось, но он не издал ни единого звука боли. Этот процесс продолжался долго, и когда всё стихло, Цзян Чжо выглядел так, будто его только что вытащили из воды.

Тот человек спросил:

— Упал в обморок?

Цзян Чжо не ответил: он до предела устал и чувствовал, как сила и духовная энергия возвращаются, а руки вроде бы снова обретают способность двигаться. Пока он молчал, собеседник немного ослабил хватку, но не отпустил полностью. Только Цзян Чжо собрался заговорить, как заметил, что тот слегка раскинул все пять пальцев и переплел их с его собственной рукой в замок.

Голос того человека звучал так близко, словно прямо у самого уха:

— Кто тут ещё надменен...

Сердце Цзян Чжо забилось чуть чаще. Он позволил переплетённым пальцам гореть огнём и всё так же неподвижно лежал, притворяясь, будто действительно лишился чувств. Ему ещё доводилось с кем-либо вести себя столь близко, и он в эту минуту совершенно не представлял, как «лихо» заговорить. К сожалению, даже при всём желании притвориться бесчувственным, сбитое дыхание выдавало его с головой.

Тот человек попытался убрать руку, но Цзян Чжо крепко сжал ладонь в ответ. Поразмыслив добрую половину дня, он наконец произнёс:

— Благодарю.

Тот человек потребовал:

— Разомкни руки.

Цзян Чжо возразил:

— Ты боишься меня?

Тот человек ответил:

— Это тебе следует меня бояться.

Цзян Чжо шумно выдохнул, подавляя вспыхнувшие эмоции, и заговорил обычным тоном:

— Ладно, боюсь...

Рука в его ладони напряглась: отчётливо выпирающие суставы вновь крепко сжали пальцы Цзян Чжо. Подумав, что тот рассердился на фразу «я боюсь», Цзян Чжо заметил:

— До чего же ты капризный: бояться нельзя, и не бояться тоже нельзя...

Тут тот человек резко потянул Цзян Чжо за руку прямо на себя. Цзян Чжо мгновенно оказался ещё ближе к каменной стене и по звуку дыхания понял, что собеседник находится прямо за перегородкой. Не будь этой каменной стены, они стояли бы лицом к лицу.

Спустя мгновение тот человек произнёс:

— Я ем людей.

Цзян Чжо отозвался:

— Кого именно? И как ешь?

Тот человек наклонил голову, и его дыхание не уступало по жару температуре тела:

— Вот так и ем: сначала притащу тебя поближе, потом разорву на куски и проглочу целиком — вместе со шкурой и костями, без остатка.

Его низкий голос звучал неторопливо, каждое слово тянулось медленно, рождая в самом слухе какую-то особую, смертельную опасность.

Цзян Чжо вырвалось:

— Ой... как горячо!

Тот человек предупредил:

— Если встретимся в следующий раз, помни — держись от меня подальше, не смей прикасаться и тем более улыбаться мне.

Цзян Чжо удивился:

— О? Даже улыбаться нельзя?

Тот человек пояснил:

— Нельзя. Думаешь, почему я сижу в этой пещере? Потому что я не просто не-человек, я — не-человек, который с лёгкостью теряет рассудок. Улыбнись ты ещё пару раз, и я сойду с ума.

Вспомнив его вчерашний вид, Цзян Чжо сказал:

— Я знаю несколько заклинаний, они очищают дух и просветляют волю.

Тот человек ответил:

— Никакие заклинания не помогут.

Цзян Чжо возразил:

— Чужие, может, и не помогут, а вот мои — совсем другое дело.

Тот человек усмехнулся:

— Твои — в первую очередь.

Цзян Чжо подумал про себя: с чего это мои не помогут, я в конце концов из Секты Пошо, неужели не сумею начертать Талисман Очищения Духа? Раз уж он в этом нуждается, перед уходом я нарисую ему один.

Мысли об уходе наполнили сердце легкой тоской. А поскольку он и так держался из последних сил, то постепенно вновь стал погружаться в сонное забытие. На грани сна и яви послышался плеск речных волн, а чудился зов, звавший: Цзян Чжиинь. Когда Цзян Чжо снова открыл глаза, было неизвестно который час, а дневной свет бил в глаза с непривычной резкостью. Он замер,

резко сел и обнаружил, что все его раны зажили, а сам он почему-то находится на лодке.

Занавеска качнулась, и в каюту заглянула одноглазая старуха. Она промолвила:

— Гость очнулся? Как раз вовремя, выпейте пару глотков горячего супа!

Цзян Чжо всё ещё пребывал в полусне:

— Позвольте спросить...

Старуха согнувшись в три погибели, указала за окно:

— Гость не помнит? Вы упали в воду.

Цзян Чжо отлично помнил, что упал в воду, но ведь он ясно лежал в пещере, а по соседству находился тот самый способный говорить собеседник! Как же вышло, что после пробуждения он очутился здесь? Словно заметив его недоумение, старуха пояснила:

— Прошлой ночью старая карга рыбачила и как раз увидела гостя в воде, вот и вытащила.

Оглядев собственную одежду — ту самую, в которой он свалился в реку, — Цзян Чжо невольно засомневался. Однако, будучи человеком бывалым, он не подал виду:

— Благодарю вас, матушка. Скажите на милость, где мы?

Старуха ответила:

— Это место слияния реки Сяньинь и Реки Молитв, а чуть дальше впереди — Город Сяньинь.

Цзян Чжо мысленно ахнул: значит, ему не привиделось! Он упал в реку Сяньинь, но тот вынес его со стороны Реки Молитв. Почему же он не разбудил его?

Его мысли бушевали, однако поделаться ничего было нельзя: Река Молитв вытекала из Небесного Разлома и раскинулась на огромные расстояния, так что пока пришлось отложить это дело в долгий ящик, задав старухе ещё несколько вопросов. Ответы повергли его в настоящий шок: оказалось, что он исчез на полмесяца, и за эти полмесяца в Городе Сяньинь стряслась страшная беда!

Старуха поведала:

— Полмесяца назад духи в Городе Сяньинь пали и осквернились, а Ли Юнъюань из Секты Костей Грома, покрывая всё и лбя начальству, взял да и запечатал все городские ворота!

Цзян Чжо переспросил:

— Кто ты сказал?

Старуха, разливая суп по мискам, тяжело вздохнула:

— Ли Юнъюань, тот самый второй номер в Поднебесной Ли Юнъюань! Разве гость не слышал о нём? Теперь его имя покрыто дурной славой: из-за того, что он запечатал ворота, все жители города погибли мученической смертью!

Тут Цзян Чжо по-настоящему переменился в лице:

— Что?!

Ли Юнъюань (Пять)

Старуха покачала головой:

— Какая жалость, какая мука! Старая карга слышала от людей, что в ту ночь, кроме нескольких учеников Секты Костей Грома, патрулировавших окрестности, все остальные погибли.

Цзян Чжо допытывался:

— А Ли Юнъюань? Где он сейчас?

Старуха бережно держала в руках пиалу с супом:

— Эх, он пожнал плоды собственных злодеяний и тоже мёртв! Говорят, смерть его была ужасна, а труп демоны и призраки растерзали до неузнаваемости... Теперь от него осталась лишь голова, которую повесили на городских воротах!

Эта новость обрушилась на Цзян Чжо подобно грому среди ясного неба, лишив его лицо всяких красок! Его рука, державшая пиалу, слегка дрогнула, а голос задрожал:

— Ты... что ты сказала...



Город Сяньинь находился недалеко от обители Секты Костей Грома, к тому же там за порядком следил Ли Сянлин, так как же всё могло дойти до такого ужаса?!

Старуха продолжала:

— Нынче весь Город Сяньинь забит примчавшимися на весть кланами и сектами. Бедный Ли Сянлин — ему приходится не только расхлёбывать кашу, заваренную младшим братом, но и приносить повинную перед всем миром. Эх, а больше всего жаль простого люда: в одночасье сгинули ни за что! Если бы Управление Тяньмин вовремя не подоспело на помощь, страшно подумать, не постигла ли бы та же участь жителей соседних селений...

Цзян Чжо поначалу пребывал в некоторой растерянности, но услышав это, почувствовал, как волна гнева накрывает с головой — в этот миг всё встало на свои места! Ай да Управление Тяньмин, ай да Цзин Юй — столько всего подстроить ради подобного представления! Он резко подхватил меч, сунул старухе в руки свой кошель с серебром и, крутанувшись на месте, сошёл с корабля.

Над головой палило яркое солнце. Опираясь на Коралловую Подвеску и непрерывно используя Исполнение Приказа, Цзян Чжо спустя мгновение уже оказался у Города Сяньинь. В этот момент городские ворота были распахнуты настежь, повозки и лошади тянулись бесконечным потоком, а ученики из различных провинций и сект толпились здесь в таком количестве, что казалось, будто народу собралось больше, чем в самые обычные дни.

Кто-то говорил:

— Это и есть Ли Юньюань? Хм, на вид такой утончённый, а поди ж ты, оказался негодяем.

Другой подхватил:

— А ты думал, он с рождения праведник? Говорят, в юности он путешествовал по свету, присваивал чужие имена в районе Сикуй да ещё рассорился с Сектой Шамань, чем извёл собственного учителя!

Третий возмущался:

— Он вечно смотрел на всех свысока, величая себя вторым номером в Поднебесной, и никого, кроме Ли Сянлина, в грош не ставил. Я же говорил: раз Секта Костей Грома так потакала ему, рано или поздно это обернётся катастрофой! Ну и что теперь? Людей сгубил!

Эти речи звучали до крайности комично. Когда Ли Юньюань был жив, прозвище второй номер в Поднебесной служило лишь насмешливым уколom в его адрес, теперь же, после его смерти, насмешка почему-то обратилась в его официальное звание.

Кто-то посмеялся:

— Тоже мне странность! Раньше только и слышно было, что их Секта Костей Грома норовит зваться первым номером в Поднебесной, а гляди-ка — даже за этот второй номер готовы глотки драть.

Толпа зашлась в хохоте, и кто-то добавил:

— Да уж, они те ещё задаваки! По мне так все эти первые да вторые номера — просто проявления вежливости со стороны старших поколений, кто в здравом уме посмеет носить такое звание? А вот его Секта Костей Грома посмела.

Раздался ещё один голос:

— И что с того, что первый? Раз Ли Юньюань натворил бед, разве тот самый первый избавит себя от необходимости гнуть спину и вымаливать прощение перед всеми?

— Подумаешь, языком почесал — велика повинность! Это дело так просто не замять!

— Верно! В первые годы после окончания смут они, пользуясь заслугами перед Сектой Костей Грома, загребли под себя все земли Двенадцати городов Чжунчжоу. А я-то думал, на что способен этот Ли Сянлин! Оказывается, пустая бездарность.

— Тоже мне сказано! Натворил дел Ли Юньюань, при чём здесь Ли Сянлин? А вот владение мечом у Ли Сянлина отменное.

— Ну и при чём здесь мастерство владения мечом и человеческая порядочность? Раз твоё мастерство первое в Поднебесной, так и характер должен быть первым? По мне так отношения в их секте хуже некуда: Ли Сянлин прекрасно знал о высокомерии Ли Юньюаня, но пальцем о палец не ударил, чтобы приструнить его — небось, только и ждал этого дня! Теперь Ли Юньюань проклинаят всеми, так что можно сказать, желание Ли Сянлина исполнилось.

Эти люди рассуждали громко и вольготно, в то время как дежурившие у входа ученики Секты Костей Грома стояли с багровыми от гнева лицами, сжимая рукояти мечей, но не смея вымолвить ни слова.

Кто-то, заметив это, лишь сильнее повеселел:

— А ведь голова подвешена на славу! Смотрите мне, года три-четыре точно не вздумайте снимать — только так они и поймут, коим образом следует учиться на чужих ошибках...

Не успел он договорить, как за спиной свистнул рассекаемый воздух, и со звуком глухого

шлепка хвастуна сбили с ног мощным пинком! Толпа взвыла от неожиданности: решив, что это выходка учеников Секты Костей Грома, люди заголосили всякую всячину вроде «вы что творите» и «какая наглость». Однако в этот момент раздался громкий смех, и, обернувшись, они увидели стоящего позади юношу — то был не кто иной, как Цзян Чжо!

Глаза Цзян Чжо покраснели от гнева. Окинув всех тяжёлым взглядом по очереди, он рявкнул:

— Что за шавки тут пасть разинули перед господином? Проваливайте!

Заметив, что нападавший одет вовсе не в одежды Секты Костей Грома, люди вновь зашумели:

— Смелые речи! Ты ещё что за фрукт, раз вздумал распускать руки на честных людей?

На лице Цзян Чжо не было ни тени улыбки. Резко перехватив ножны обратным хватом, он применил приём Не-деяние — вторую форму Меча Кармического Огня Посо, обладающую сокрушительной силой, способной смести целые армии! Никак не ожидая от него реального нападения, толпа под ударом ци меча в полном составе грохнулась на мостовую, являя собой жалкое зрелище.

Кто-то запричитал «ой-ой-ой», узнав знакомый стиль:

— Секта Пошо! Да ты из Секты Пошо!

Цзян Чжо не ответил. Применив Тайфэн, он с помощью легкого прыжка взлетел на городские ворота и на глазах у изумлённой публики сорвал голову Ли Юньюаня!

Что такое Не-деяние? Это то самое «не-деяние», что означает «поступать так, даже зная о невозможности содеянного»!

Толпа мгновенно заволновалась. Кто-то заорал:

— Ты что вытворяешь? Эту голову нельзя снимать без соизволения Собрании Мириадов Сект!

Цзян Чжо бросил:

— А я вот взял и снял, и что ты мне сделаешь?

Другой выкрикнул:

— Совсем распоясался! Знаешь ли ты, в чём провинился Ли Юньюань? Как ты смеешь снимать его голову!

Хотя те парни не обладали выдающимся совершенством, языки у них были подвешены отлично. Они принялись подпевать:

— Его Секта Пошо некогда тоже числилась в благородных и славных, а теперь чего ради он снимает голову Ли Юньюаня? Завтра глядишь, вздумает всю Поднебесную под себя подмять!

Кто-то хмыкнул:

— Не смейся людей! Если б речь шла о временах сотен лет давности, пожалуй, никто бы не посмел тягаться с Сектой Пошо. Только нынче-то кто не знает, что все люди из Секты Пошо перемчались до единого? Какая уж тут бывшая слава!

Эти слова звучали ядовито и злобно. Один из учеников Секты Костей Грома не выдержал и рявкнул:

— Вы что такое несёте?!

Стоит отметить, что если отсчитать от Секты Пошо три поколения назад, почти все её adeпты погибли в те годы смут. Поклоняясь Огненной рыбе Цзюму, они вполне могли бы уединиться на Горе Бэйлу, но ради одного слова «усмирить бедствия и напасти» бесчисленные ученики один за другим отдавали свои жизни. У подножия Горы Бэйлу до сих пор стояла Долина Мечей, где торчали бесчисленные обломки клинков — и каждый из них, будучи извлечён наружу, некогда гремел славой по всем шести провинциям.

Цзян Чжо не рассердился, а усмехнулся:

— О? Разве я не заслуживаю этой славы?

Те люди поняли, что сболтнули лишнего, и, заметив, что он собирается обнажить меч, без лишних слов бросились наутёк. Опасаясь, что Цзян Чжо бросится в погоню, тот самый ученик Секты Костей Грома поспешно подбежал с уговорами:

— Брат Чжиинь, ни в коем случае не бери себе в голову эти глупости! Сегодня из-за оплошности нашей Секты Костей Грома пострадал и ты, оскорблённый чужими криками — прости великодушно.

Цзян Чжо видел его раньше, но имени не запомнил. Из-за их старшей сяоцзе молодые adeпты из разных сект частенько устраивали потасовки между собой, и он никак не ожидал, что доживёт до дня, когда они будут утешать друг друга.

Парень представился:

— Меня зовут Ли Цзиньлинь, второе имя Рулун, я ученик главы секты. Раньше мы вечно дрались с вами да так толком и не поговорили... Брат Чжиинь, ты ведь тоже прибыл на Собрание Мириадов Сект?

Цзян Чжо переспросил:

— Какое ещё Собрание Мириадов Сект?

Ли Цзиньлинь изумился:

— Разве ты не знаешь? Из-за... в общем, из-за случившегося все секты и кланы чрезвычайно недовольны тем, как были поделены земли Двенадцати городов Чжунчжоу. Прямо сейчас они собрались в городе, чтобы обсудить это дело совместно. Поскольку съехались кланы и секты почти со всех шести провинций, событие прозвали Собранием Мириадов Сект.

Это было делом чрезвычайной важности, однако в груди Цзян Чжо от этих слов резко кольнуло. Опустив взгляд, он приподнял голову Ли Юньюаня и вспомнил ту ночь, когда Ли Юньюань ради него несколько раз сходил в противостоянии с Цзин Юем. И вот прекрасный, гордый мастер меча теперь влачил столь жалкий конец.

Цзян Чжо попросил:

— Брат Рулун, Бессмертный наставник Юньюань вовсе не был злодеем, творившим бесчинства. Прошу тебя... позаботься о его останках.

Ли Цзиньлинь не знал, что между ними произошло, но, принимая голову, внезапно почувствовал, как защипало глаза:

— Я... я тоже хочу верить, что наставник Юньюань не был таким человеком, но раз все погибли, никто уже не узнает, что же случилось той ночью.

Цзян Чжо ответил:

— Я знаю причину. Прошу, отведи меня к твоему учителю.

Его учителем являлся нынешний глава Секты Костей Грома Ли Сянлин. Ли Цзиньлинь удивился:

— Ты знаешь причину?! Хорошо, отлично! Я отведу тебя, только Собрание Мириадов Сект уже началось, и мой глава, боюсь, не сможет подняться сюда!

Что значит не сможет подняться? Объятый смутными сомнениями, Цзян Чжо последовал за Ли Цзиньлинем в город. Добравшись до места проведения Собрания Мириадов Сект, он наконец понял значение слов не сможет подняться. Оказалось, что Собрание Мириадов Сект строилось вокруг высокой платформы в качестве центра, вокруг которой расставили сотни сидений для представителей ста великих кланов, тесно обступивших помост. На самой же платформе восседали самые именитые и влиятельные мастера шести провинций. По заведённому издревле обычаю, главенствующее положение должны были занимать четыре ветви столпов небес: Секта Пошо с Горы Бэйлу, Секта Шамань с Горы Сикуй, Племя Куу с Горы Дунчжао и Школа Цянькунь с Горы Южного Императора. Увы, впоследствии два столпа небес рухнули: восточная и южная ветви пришли в упадок первыми, а северная и западная понесли тяжелейший урон в череде кровопролитных сражений. По этой причине о четырёх великих ветвях теперь почти не вспоминали, оценивая силу исключительно по размерам земель в провинциях. Вот почему большинство людей, восседавших наверху, Цзян Чжо совершенно не знал.

Окинув взглядом море голов, Ли Цзиньлинь сообщил ему:

— Наш глава уже полмесяца не спит и не ест, отвечая на бесконечные расспросы со всех сторон. Я сам уже несколько дней не мог перемолвиться с ним и словом.

Глаза Цзян Чжо заскользили по сплошной толпе — он отчаянно выискивал Цзин Юя. В этот момент послышался чей-то зычный крик:

— Ли Сянлин идёт!

Все вытянули шеи и уставились в одну сторону. Имя Разящая мечом сотни рек, первый номер в Поднебесной гремело слишком громко, и во всём мире едва ли нашёлся бы человек, не слышавший о Ли Сянлине, поэтому в эту секунду толпа дружно затаила дыхание. Вскоре вдали показался человек в циньском платье с мечом за спиной. Шел он очень медленно и под всеобщими взглядами неторопливо поднялся на высокую платформу.

Кто-то не удержался от изумлённого вскрика:

— Это же женщина!

И верно — этот первый номер в Поднебесной оказался женщиной, притом необычайно лихой и искусной. Согласно молве, Ли Сянлин обрела связь с духами в восемь лет, а в восемьдесят... то есть в восемнадцать, в годину страшных бедствий, приняла бремя главы секты, после чего Секта Костей Грома прочно встала на ноги в шести провинциях, снискав всемирную славу. При жизни она страстно любила вино, а со Ши Ицзюнь состояла в кровной дружбе, из-за чего в народе северную и центральную секты частенько шутливо звали союзником сестёр.